

КОНЦЕПЦИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В СВЕТЕ ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЕ РАЗВИТИЯ

© 2019

В.А. Лазарева, доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры «Уголовный процесс и криминалистика»

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара (Россия)

Ключевые слова: формирование доказательств; способы собирания доказательств; источники доказательств; доказательство; следственный судья; состязательность; равноправие сторон.

Аннотация: Актуальность исследования обусловлена теоретической и практической значимостью понятия и порядка формирования доказательств в уголовном процессе в свете принципа состязательности. В статье рассматривается научная концепция формирования доказательств и перспективы ее развития в условиях внедрения в уголовное судопроизводство фигуры следственного судьи. Концепция формирования доказательств, возникшая в период действия УПК РСФСР, закономерно отражала потребности практики и соответствовала представлению о доказательствах как сведениях об обстоятельствах, имеющих значение для дела, облеченных в предусмотренную законом форму. Получение таких сведений и придание им процессуальной формы относилось к исключительной компетенции органов предварительного расследования, поэтому в качестве доказательств суду представлялись лишь сведения, полученные и оформленные (сформированные) органами предварительного расследования. Сведения, полученные и представленные другими участниками уголовного процесса, доказательствами не признавались. Принятие в 2001 году УПК РФ, основанного на иных принципах, высветило явное противоречие между концепцией формирования доказательств и принципами состязательности и независимости судебной власти, поскольку значение судебных доказательств имеют материалы, сформированные одной из сторон – стороной обвинения. Это обстоятельство усилило аргументацию противников концепции формирования доказательств и вызвало к жизни предложение о возрождении в Российской Федерации фигуры судебного следователя или учреждении должности следственного судьи, к компетенции которого должно относиться формирование доказательств на основе источников, представленных сторонами. В связи с этим рассматривается возможность пересмотра давно ставших привычными представлений об институтах доказательственного права.

ВВЕДЕНИЕ

В науке уголовного процесса сложилось устойчивое представление о доказательствах как о продукте познавательной деятельности следователя (дознателя) и о следственном действии как основном способе собирания доказательств. Органическое сочетание теории следственного действия как способа собирания доказательств с представлением о доказательстве как результате следственной деятельности обусловило возможность научного обоснования теории, получившей название «концепция формирования доказательств», которая, говоря словами В.Н. Григорьева, «впервые в истории мировой юридической науки» раскрыла «содержательную сторону собирания доказательств», показала «технологии выяснения процессуальными средствами действительных обстоятельств происшедшего» [1, с. 14].

В соответствии с этой концепцией доказательства, на основе которых должны устанавливаться имеющие значение для уголовного дела обстоятельства, являют собой сочетание сведений о фактических обстоятельствах дела и той процессуальной формы, в которой эти сведения могут сохраняться в материалах уголовного дела. Такой подход к понятию доказательства получил отражение в ст. 69 УПК РСФСР и пришедшей ей на смену ст. 74 УПК РФ: доказательствами являются сведения об обстоятельствах, имеющих значение для дела, которые могут содержаться в показаниях свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, заключениях и показаниях эксперта (по УПК РФ и специалиста), вещественных доказательствах, протоколах следственных и судебных действий и иных документах.

Форму (вид) показаний, заключений, протоколов и т. п. сведения об обстоятельствах дела получают в ходе следственных и некоторых иных процессуальных действий, представляющих собой систему регламентированных уголовно-процессуальным законом и осуществляемых следователем (судом) поисковых, познавательных и удостоверительных операций, которые приспособлены к эффективному отысканию, восприятию и закреплению содержащейся в следах преступления доказательственной информации [2]. Отсюда доказательствами признаются не сами по себе сведения о тех или иных обстоятельствах. Чтобы информация, содержащаяся в следах преступления, могла быть использована для обоснований тех или иных утверждений, выводов по уголовному делу, она должна быть обнаружена, извлечена и закреплена в материалах уголовного дела, то есть собрана субъектом уголовно-процессуальной деятельности и оформлена в соответствии с требованиями УПК [3].

Концепция формирования доказательств имеет много сторонников [4–6], однако принятие в 2001 году УПК РФ, основанного на иных принципах, чем УПК РСФСР, высветило явное противоречие между концепцией формирования доказательств и принципами состязательности и независимости судебной власти, поскольку значение судебных доказательств имеют материалы, сформированные одной из сторон – стороной обвинения.

Это обстоятельство делает актуальным исследование концепции формирования доказательства в свете принципа состязательности.

Цель работы – обоснование нового подхода к пониманию как доказательства, так и процесса его формирования.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Возникновение концепции формирования доказательств по времени совпадает с периодом действия УПК РСФСР 1960 года. Словосочетание «собрание доказательств», употреблявшееся в УПК РСФСР 1923 года по отношению к вещественным доказательствам и письменным документам (ст. 59), то есть в значении завладения материальными носителями информации, в УПК 1960 года применено и к самой информации. Ст. 70 УПК РСФСР указывала не только на такие способы собирания доказательств, как истребование от учреждений, предприятий и организаций источников информации – предметов и документов, могущих содержать необходимые для дела фактические данные, и принятия таких предметов и документов от любых представивших их лиц, но и на следственные действия, большая часть которых (допрос, очная ставка, предъявление для опознания, следственный эксперимент) предназначена для получения вербальной информации путем извлечения ее из памяти физического лица или информации смешанного (вербального и наглядно-образного) характера. В отличие от предметов и документов эти сведения не существуют сами по себе, они материализуются, лишь обретая процессуальную форму. Поэтому сведения об обстоятельствах дела считаются собранными с момента их оформления в соответствии с требованиями УПК.

Концепция формирования доказательств, соединяющая доказательственную информацию с той процессуальной формой, в которой она существует в уголовном деле, логично объясняла происхождение процессуальных доказательств и обеспечивала соблюдение порядка производства следственного действия как важнейшей гарантии их достоверности. Сосредоточенное в стадии предварительного расследования, производство следственных действий фактически стало рассматриваться в качестве основного, чуть ли не единственного, способа собирания доказательств.

В частности, С.Б. Россинский, критически переосмысливая собственную позицию, справедливо указал на неприменимость термина «формирование доказательств» к вещественным доказательствам, иным документам и заключениям специалиста, которые предстают перед следователем в готовом виде и формированию не подвергаются [7]. Иными словами, некоторые виды доказательств формируются без участия следователя и в дополнительном формировании (доформировании) не нуждаются. Конструкция их формирования путем «тщательного» осмотра и вынесения постановления о признании предмета или документа вещественным доказательством искусственна, мнима, говоря словами С.Б. Россинского, представляет собой «теоретический фантом» [7, с. 29] – данным постановлением лишь обозначается процессуальный статус объекта; протокол его осмотра является самостоятельным источником информации. Что касается иных документов, то к ним даже такие действия не применяются.

Столь же несостоятельной является попытка применить концепцию формирования доказательств к результатам оперативно-розыскной деятельности, информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами, результатам контроля и записи телефонных или иных переговоров и даже к такому виду доказательств, как заключение эксперта. Получение ин-

формации указанными способами не имеет ничего общего с классическим следственным действием, суть которого составляет познавательный процесс восприятия, посредством которого происходит преобразование информации, фиксируемой затем с помощью протокола и иногда технических средств [3]. Следователь здесь не вступает в контакт с непосредственным источником информации – он получает (принимает) и использует в качестве доказательства информацию, выявленную и соответствующим образом оформленную другим субъектом за рамками уголовно-процессуальной деятельности и даже не всегда в связи ее производством. Таким образом, доказательствами, сформированными следователем, можно считать лишь протоколы следственных действий, сохраняющие воспринятую и преобразованную следователем первичную информацию: протокол осмотра места происшествия, следственного эксперимента, предъявления для опознания, обыска. Усилиями следователя в этих случаях и создается информационный продукт в единстве его формы и содержания.

К таким протоколам, безусловно, могли бы быть отнесены протоколы допроса и очной ставки, однако они не являются самостоятельным видом доказательств, поскольку доказательствами в ст. 74–80, 276, 282 УПК РФ названы показания свидетеля, потерпевшего, обвиняемого, подозреваемого, эксперта и специалиста, а не содержащие эти показания протоколы. В своих предыдущих публикациях мы отмечали, что показания, как вид доказательства, не только возникают, но и существуют лишь в тот момент, когда лицо излагает информацию, которую сохраняет его память; сведения, недоступные непосредственному восприятию субъекта, показаниями не являются [8]. Поэтому показания, полученные и преобразованные в протокол допроса следователем или дознавателем, не являются по общему правилу доказательствами для суда, который в силу требований ст. 240 УПК РФ обязан лично допросить лиц, владеющих информацией, имеющей значение для дела. Выносить судебное решение о виновности подсудимого на основании следственных протоколов, содержащих полученные от свидетелей и потерпевших устные сообщения, в состязательном уголовном судопроизводстве невозможно. Не случайно в 2016 году ст. 281 УПК РФ была дополнена ст. 2.1, позволяющей оглашать показания ранее допрошенных и не явившихся в суд свидетелей и потерпевших лишь при условии предоставления обвиняемому (подсудимому) в предыдущих стадиях производства по делу возможности оспорить эти доказательства предусмотренными законом способами, что можно считать, хотя и недостаточной, но все же попыткой обеспечить непосредственность исследования судом самих устных показаний.

Как видим, концепция формирования доказательств к целому ряду видов доказательств неприменима, а значит, не универсальна. Следственные действия в современных условиях тоже не являются универсальным способом собирания доказательств, особенно учитывая возможности собирания доказательств в ходе так называемой доследственной проверки, о чем мы писали ранее [9; 10] и потому в данной статье не касаемся.

Другим недостатком этой концепции является очевидная несовместимость ее с одним из важнейших

принципов уголовного судопроизводства. Возникшая в период действия УПК РСФСР, принятого в 1960 году, концепция формирования доказательств «работала» на тезис об общих целях и задачах органов предварительного расследования и суда – быстро и полно раскрыть преступление, изобличить виновного, не допустить, чтобы виновный ушел от ответственности, а невиновный был осужден, для чего исследовать обстоятельства дела полно, объективно и всесторонне. То, что результаты познавательной и удостоверительной деятельности следователя (дознателя) признаются доказательствами и в суде, фактически судебными доказательствами, в этих условиях было закономерно.

Несомненно, на таком понимании результатов деятельности следователя некоторым образом сказалось влияние Устава уголовного судопроизводства, которым следователь был отнесен к судебной власти, в связи с чем полученные им доказательства признавались судебными. Но принятие в 2001 году УПК РФ, который относит следователя к стороне обвинения, сделало конфликт между системой принципов уголовного процесса и концепцией формирования доказательств неизбежным. Согласиться с тем, что доказательства, на основе которых формируется внутреннее убеждение суда, есть продукт деятельности органа уголовного преследования, значит отрицать и равноправие сторон, и независимость суда от одной из этих сторон – положения, составляющие суть принципа состязательности.

Отнесенный к стороне обвинения следователь не может претендовать на роль беспристрастного субъекта, а результаты осуществляемой им познавательной деятельности – на роль судебных доказательств. Процессуальная форма познавательной деятельности дознавателя, следователя не может претендовать на роль инструмента, обеспечивающего достоверность, правильность, объективность содержания доказательственной информации, поскольку самому субъекту познания на законодательном уровне отказано в привилегии считаться более объективным и незаинтересованным, чем вторая сторона.

Высказывая свое отношение к этой концепции, мы постоянно подчеркивали, что формирование доказательств состоит не только в придании информации процессуальной формы. Содержащаяся в следах преступления информация не переносится в материалы уголовного дела механически, а отражаясь вначале в сознании познающего субъекта, а затем – в материалах дела, не только преобразуется по форме, но изменяется и по содержанию. Наиболее заметно это при формировании так называемых вербальных доказательств: в протоколе допроса отражается не психический образ воспринятого лицом и преобразованного в его устную речь события, а преобразованный в письменную речь образ события, сформированный в сознании допрашиваемого лица в процессе восприятия устной речи допрашиваемого. Иными словами, протокол следственного действия не является механическим отражением следов преступления, воспринятых субъектом, проводившим следственное действие непосредственно (осмотр) или опосредованно (допрос). Сформированные следователем доказательства есть в значительной мере продукт его субъективного восприятия тех или иных событий, действий, объектов, несущий отпечаток не только об-

щих закономерностей и индивидуальных особенностей восприятия, но и выполняемой этим субъектом функции. Получая готовые, то есть сформированные органами предварительного расследования, доказательства, суд попадает в зависимость от них и от подтверждаемого ими обвинительного тезиса.

Продолжая утверждать, что доказательства – это оформленный в соответствии с требованиями УПК познавательный образ отразившихся в сознании следователя следов преступления, мы должны были бы признать фиктивность многих обусловленных принципом состязательности правил – о разделении процессуальных функций, о равноправии сторон, о собирании и представлении доказательств обвиняемым и потерпевшим, защитником и представителем, не имеющими полномочий по формированию доказательств.

Очевидная несовместимость концепции формирования доказательств с принципом состязательности уголовного судопроизводства не может быть преодолена предлагаемым в теории возложением на следователя дополнительной обязанности всесторонне, полно и объективно исследовать все входящие в предмет доказывания обстоятельства или пересмотром функции следователя путем исключения его из числа участников процесса на стороне обвинения [11]. Но, возможно, поменяв подход к пониманию самого доказательства, мы сможем по-иному взглянуть и на процесс его формирования.

Ранее мы неоднократно указывали на необходимость разделять собственно доказательство, как информационный продукт, и то, что мы привыкли называть его процессуальной формой [12] и что, по сути, является процедурой получения информации о преступлении, вычленив в этом единстве формы и содержания его аргументационную составляющую, то есть информацию, или, языком УПК, сведения об обстоятельствах, имеющих значение для дела (фактические данные, если вспомнить ст. 69 УПК РСФСР), служащую фактологическим основанием судебскому убеждению [13].

Лишь при таком понимании доказательства обретает смысл термин «источник доказательства», по поводу которого в теории до сих пор не сложилось консенсуса. Источник доказательства как источник сведений (фактических данных) об обстоятельствах, имеющих значение для дела, сам доказательством являться не может, хотя, начиная с М.С. Строговича, источник доказательства отождествляется с самим доказательством, взятым со стороны его процессуальной формы [14]. Так называемая двойственная концепция доказательств М.С. Строговича, впоследствии критикованная сторонниками единого понятия, однако, может служить основой разделения доказательств на следственные и судебные [15]: сформированные следователем доказательства не являются в силу приведенных выше причин доказательствами для суда, но служат для него источниками сведений (фактических данных), которые после их исследования в состязательной судебной процедуре и становятся судебными доказательствами. Суд основывает свои выводы о виновности или невиновности подсудимого исключительно на основании собственного восприятия информации, извлеченной им непосредственно из памяти физических лиц, из предметов и документов. В процессе исследования источников доказательств происходит формирование внутреннего судебского

убеждения как совокупности неопровергнутых знаний об обстоятельствах преступления, которым в теории придается значение доказательственных фактов.

В таком смысле о формировании судебных доказательств говорит, в частности, А.О. Машовец: «Собранные (сторонами) во время досудебного производства фактические материалы – это не доказательства, а совокупность средств хранения и передачи информации, из которых посредством следственных действий, проводимых в судебном заседании, формируются судебные доказательства... В судебном следствии фактические материалы должны превращаться в доказательства обвинения или доказательства защиты, т. е. средства убеждения, под воздействием которых и формируется внутреннее убеждение судьи, обязанного сохранять беспристрастность и независимость» [16, с. 15]. Подобные взгляды высказывались и ранее [17, с. 50–51; 18, с. 34].

Таким образом, термин «формирование доказательств», символизируя «солидарную деятельность органов предварительного расследования и суда» [16, с. 22], позволяет считать следственные доказательства доказательствами судебными. Но согласившись, что суд получает от органов предварительного расследования источники доказательств, в процессе исследования которых формируются судебные доказательства, мы обеспечили бы большую свободу судейского убеждения и независимость суда от органов уголовного преследования.

С целью разорвать эту «обвинительную связку» между следствием и судом и хотя бы отчасти преодолеть «обвинительный уклон» были разработаны предложения об учреждении в РФ фигуры следственного судьи [19], который «не должен проявлять инициатив... по собиранию новых доказательств в целях подтверждения или опровержения версий обвинения и защиты, а уполномочен лишь проверять и оценивать сведения, представленные ему сторонами» [20, с. 334].

Переход функции формирования доказательства к судебной власти означает, что следователь должен будет доказать в предварительном судебном заседании законность получения источников информации, при этом сторона защиты получает возможность участвовать в проверке этих источников, а значит, влиять на процесс формирования судебных доказательств.

Это значит, что следственный судья – не альтернатива следователю (не судебный следователь), последний будет продолжать свою работу по собиранию источников информации, необходимой для изобличения подозреваемого, обвиняемого, то есть проводить следственные и иные процессуальные действия, включая осмотр места происшествия, обыск, выемку, истребование, получать предметы и документы от оперативно-розыскных органов, от участников процесса и других субъектов. Однако результаты этой деятельности, чтобы стать (судебными) доказательствами, должны будут пройти предварительную проверку у следственного судьи. Формирование судебных доказательств, таким образом, отделяется от собирания сведений об обстоятельствах, которые имеют значение для дела, и источников этих сведений (источников доказательств), то есть становится прерогативой судебной власти.

Введение в уголовный процесс фигуры следственного судьи способно привести к выравниванию возможностей сторон и в сфере поиска источников информа-

ции. Защита получает право ходатайствовать перед судьей о проведении так называемых судебных следственных действий и представлять суду доказательства, полученные без проведения следственных действий. Гарантированным становится право защиты принимать участие в назначении и проведении экспертизы. Сторона обвинения лишается части преимуществ, обусловленных тайной предварительного расследования, хотя и не обязана немедленно раскрывать доказательства, и может «придержаться» их легализацию как минимум до предварительного слушания. Возможность усиления состязательного начала в уголовном процессе, распространение его на этап, предшествующий судебному разбирательству, делает фигуру следственного судьи притягательной.

В то же время мы не видим причин, по которым изложенный подход к формированию судебных доказательств не мог бы быть реализован уже сегодня. Дело ведь не в названии судьи, а в том, как судья воспринимает свою роль в уголовном процессе. Многое зависит от профессиональной подготовки судей всех уровней, которая должна обеспечивать правильное понимание, а значит, и применение требований закона. В частности, пронизанные духом состязательности, многие положения УПК просто не применяются. Возьмем, к примеру, ст. 235 УПК РФ, регулиующую порядок рассмотрения и разрешения ходатайств об исключении недопустимых доказательств. Эта состязательная процедура призвана не допустить к исследованию в суде содержания доказательств, имеющих дефектную форму. Она фактически говорит именно о том, что материалы предварительного расследования уголовного дела могут считаться судебными доказательствами лишь в двух случаях: 1) когда они проверены судом в предварительном слушании и 2) когда они не оспариваются сторонами. В предварительном слушании судье предписана именно та роль, которую должен по замыслу реформаторов выполнять следственный судья. Однако положения ст. 235 эффективно применяются лишь при рассмотрении уголовных дел, назначаемых к рассмотрению судом с участием присяжных заседателей, в иных случаях судьи под разными предлогами уклоняются от выполнения возложенной на них обязанности.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

Концепция формирования доказательств имеет основание для применения в состязательном уголовном процессе.

Исследование показало, что внедрение в уголовный процесс фигуры следственного судьи, задача которого состоит в формировании судебных доказательств из представленных ему сторонами источников, требует серьезного пересмотра фундаментальных теоретических положений об основных категориях доказательственного права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Григорьев В.Н. «Сущность и способы собирания доказательств в уголовном процессе»: блеск и векторы востребованности творческого наследия профессора С.А. Шейфера // Юридический Вестник Самарского университета. 2017. Т. 3. № 4. С. 13–24.

2. Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М.: Юрлитинформ, 2001. 208 с.
3. Шейфер С.А. Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе. М.: ВЮЗИ, 1972. 130 с.
4. Михеенко М.М. Доказывание в советском уголовном процессе. Киев: Вища шк., 1984. 133 с.
5. Доля Е.А. О собирании и формировании доказательств по УПК РФ // Новый Уголовно-процессуальный кодекс России в действии: материалы круглого стола. М.: ТК Велби, 2004. С. 125–127.
6. Семенов В.А. Следственные действия в досудебном производстве. М.: Юрлитинформ, 2017. 254 с.
7. Россинский С.Б. Следственные действия. М.: Норма, 2018. 240 с.
8. Лазарева В.А., Попов Д.В. Проблемы использования свидетельских показаний в уголовном процессе. М.: Юрлитинформ, 2009. 160 с.
9. Лазарева В.А., Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовному делу в свете ФЗ №23 от 03.04.2013 // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2014. № 6. С. 375–382.
10. Лазарева В.А. Доследственная проверка // Уголовное судопроизводство. 2016. № 4. С. 11–16.
11. Шейфер С.А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти. М.: Норма, 2013. 192 с.
12. Лазарева В.А. Трансформация понятия «доказательство» в состязательном уголовном процессе // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2017. № 2. С. 39–43.
13. Спасович В.Д. Избранные труды и речи. Тула: Автограф, 2000. 496 с.
14. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М.: Наука, 1968. 330 с.
15. Михайловская И.Б. Соотношение судебных и следственных доказательств // Государство и право. 2006. № 9. С. 39–47.
16. Машовец А.О. Теоретическая модель правовой организации судебного следствия в уголовном процессе Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2018. 42 с.
17. Смирнов А.В. Модели уголовного процесса. СПб.: Наука, 2000. 224 с.
18. Макаркин А.И. Состязательность на предварительном следствии. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 265 с.
19. Морщакова Т.Г. О компетенции и порядке формирования института следственных судей в Российской Федерации // Прецеденты и позиции. 2015. № 4. С. 68–71.
20. Аппарат власти следственной / под общ. ред. Н.А. Колоколова. М.: Юрлитинформ, 2016. 384 с.
21. Grigorev V.N. "The essence and methods of assembling evidence in the criminal process": shine and vectors of realization of professor S.A. Sheifer creative heritage. *Yuridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta*, 2017, vol. 3, no. 4, pp. 13–24.
22. Sheyfer S.A. *Sledstvennye deystviya. Sistema i protsessualnaya forma* [Investigative actions. The system and procedural form]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2001. 208 p.
23. Sheyfer S.A. *Sushchnost i sposoby sobiraniya dokazatelstv v sovetskom ugolovnom protsesse* [The essence and ways of collecting evidences in the Soviet criminal process]. Moscow, VYuZI Publ., 1972. 130 p.
24. Mikheenko M.M. *Dokazyvanie v sovetskom ugolovnom protsesse* [Proving in the Soviet criminal procedure]. Kiev, Vishcha shk. Publ., 1984. 133 p.
25. Dolya E.A. About the collection and formation of evidence according to the Russian Federation Code of Criminal Procedure. *Novyy Ugolovno-protsessualnyy kodeks Rossii v deystvii: materialy kruglogo stola*. Moscow, TK Velbi Publ., 2004, pp. 125–127.
26. Sementsov V.A. *Sledstvennye deystviya v dosudebnom proizvodstve* [Investigative actions in pre-trial proceedings]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2017. 254 p.
27. Rossinskiy S.B. *Sledstvennye deystviya* [Investigative actions]. Moscow, Norma Publ., 2018. 240 p.
28. Lazareva V.A., Popov D.V. *Problemy ispolzovaniya svidetelskikh pokazaniy v ugolovnom protsesse* [The issues of usage of testimonial evidence in criminal proceeding]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2009. 160 p.
29. Lazareva V.A., Sheyfer S.A. Evidence and proof in criminal case in the light of FZ no. 23 of 04.03.2013. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyy zhurnal*, 2014, no. 6, pp. 375–382.
30. Lazareva V.A. Pre-Investigation Check. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo*, 2016, no. 4, pp. 11–16.
31. Sheyfer S.A. *Dosudebnoe proizvodstvo v Rossii: etapy razvitiya sledstvennoy, sudebnoy i prokurorskoj vlasti* [Pretrial proceedings in Russia: the development stages of the investigative, judicial and prosecutorial authorities]. Moscow, Norma Publ., 2013. 192 p.
32. Lazareva V.A. The transformation of the concept of "evidence" in adversial criminal process. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki*, 2017, no. 2, pp. 39–43.
33. Spasovich V.D. *Izbrannye trudy i rechi* [Selected works and oratories]. Tula, Avtograf Publ., 2000. 496 p.
34. Strogovich M.S. *Kurs sovetskogo ugolovnogo protsessa* [The course of Soviet criminal procedure]. Moscow, Nauka Publ., 1968. Vol. 1, 330 p.
35. Mikhaylovskaya I.B. The correlation of court and investigation evidence. *Gosudarstvo i pravo*, 2006, no. 9, pp. 39–47.
36. Mashovets A.O. *Teoreticheskaya model pravovoy organizatsii sudebnogo sledstviya v ugolovnom protsesse Rossiyskoy Federatsii*. Avtoref. dis. dokt. jurid. nauk [The theoretical model of legal organization of judicial investigation in the criminal proceeding of the Russian Federation]. Ekaterinburg, 2018. 42 p.
37. Smirnov A.V. *Modeli ugolovnogo protsessa* [Criminal process models]. Sankt Petersburg, Nauka Publ., 2000. 224 p.
38. Makarkin A.I. *Sostyazatelnost na predvaritelnom sledstvii* [The competition at the preliminary investigation]. Sankt Petersburg, Yuridicheskiy tsentr Press Publ., 2004. 265 p.

REFERENCES

1. Grigorev V.N. "The essence and methods of assembling evidence in the criminal process": shine and vectors of realization of professor S.A. Sheifer creative heritage. *Yuridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta*, 2017, vol. 3, no. 4, pp. 13–24.

19. Morshchakova T.G. About the competence and the procedure of formation of the investigating judges institution in the Russian Federation. *Pretsedenty i pozitsii*, 2015, no. 4, pp. 68–71.
20. Kolokolova N.A., ed. *Apparat vlasti sledstvennoy* [Apparatus of Power Investigation]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2016. 384 p.

**THE CONCEPT OF EVIDENCE FORMATION IN VIEW
OF THE ADVERSARIAL PRINCIPLE AND THE PROSPECTS FOR ITS DEVELOPMENT**

© 2019

V.A. Lazareva, Doctor of Sciences (Law), Professor, professor of Chair “Criminal Procedural Law and Criminalistics”
S.P. Korolev Samara National Research University, Samara (Russia)

Keywords: evidence formation; ways of collecting evidence; sources of evidence; evidence; investigative judge; adversarial system; equality of the parties.

Abstract: The relevance of the study is caused by the theoretical and practical significance of the concept and the procedure of evidence formation in criminal proceedings in view of the adversarial principle. The paper considers the scientific concept of evidence formation and the prospects for its development in the context of introducing an investigative judge figure into criminal proceedings. The concept of evidence formation appeared in the period of Criminal Procedure Code of the Russian Soviet Federative Socialist Republic, naturally reflected the needs of the practice and corresponded to the idea of evidence as the information about the circumstances relevant to a case, embodied in the legally provided form. Obtaining such information and giving it a procedural form belonged to the exclusive competence of the preliminary investigation bodies, therefore only the information obtained and prepared (formed) by the preliminary investigation authorities was submitted to the court as evidence. The information received and presented by other participants in the criminal proceedings was not recognized as evidence. The adoption of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in 2001, based on different principles, highlighted the apparent contradiction between the concept of evidence formation and the principles of competitiveness and independence of the judiciary, since the materials formed by one of the parties, the prosecution, are important for the judicial evidence. This circumstance strengthened the arguments of the opponents of the evidence formation concept and gave rise to the proposal to revive the figure of a judicial investigator in the Russian Federation or to establish an investigative judge position, the competence of which should include the formation of evidence on the base of the sources submitted by the parties. In this regard, the possibility of revising the long-familiar ideas about the institutions of evidence law is being considered.